

Сергей БИЧУЦКИЙ

г. Петрозаводск

ГОРЬКИЕ СЛЁЗЫ

Из книги «Сны покаянные»

повесть-сказка

— Моя Лизавета!

Ты не спишь до рассвета.

Ждёшь от друга привета.

Слёзы горькие льёшь.

Я скоро приеду.

Наверно, к обеду.

И тогда ты мне ухи нальёшь, — напевал кто-то Лизе во сне.

Она бы поклялась, что никогда не слышала эту песню наяву, хотя в семье почти все серьёзно занимались музыкой. Непонятно откуда взявшаяся мелодия повторялась и повторялась, как заезженная пластинка. Лиза так рассердилась на неё, что проснулась.

Была глубокая ночь. Полежав некоторое время с открытыми глазами и успокоившись, девочка снова сомкнула веки. Песня зазвучала опять. Лиза даже вздрогнула от испуга и окончательно проснулась. Она узнала поющего. Это был голос настоятеля монастыря игумена Александра, куда Лиза с мамой и своими братьями и сёстрами часто приезжали на каникулы. Накануне вечером мама Юлия сообщила: звонил отец Александр и предупредил, что завтра заедет к ним в гости. Лиза тогда не придавала значения словам матери, но сейчас совершенно отчётливо вспомнила разговор, который состоялся у неё с от-

цом Александром в конце лета, накануне их отъезда из монастыря:

– Батюшка! – сказала тогда Лиза, уже прощаясь. – Приезжайте к нам в гости. Я научусь варить уху и угощу вас обедом. Хорошо?

– Обещаешь? – спросил, улыбнувшись, отец Александр.

– Обещаю, батюшка, – твёрдо и даже самоуверенно ответила Лиза.

– В таком случае, обязательно приеду, – согласился батюшка.

Вспомнив это, Лиза встревожилась настолько, что покрылась испариной. Дело в том, что пообещать-то она пообещала, а научиться так и не научилась. Проще говоря, Лиза не сдержала своего слова. И не только не сдержала. На деле получается, что она похвасталась. Выходит, она девочка, которая не умеет держать слово.

А если бы об этом узнала её лучшая подруга и соседка Катя, то обязательно сказала бы, что Лиза – «бесконечная хвастунья». И вовсе не потому, что Лиза действительно была «бесконечной хвастуньей», а потому что Катя, в последнее время очень полюбившая слово «бесконечность» и его производные, употребляла его абсолютно по любому поводу. Слово-паразит прицепилось как банный лист. По её мнению, бесконечно было всё: и какие-то желания, и нежелания, и дождь, и яркое солнце, и ветер, и уроки, и даже перемены. Правда, перемены были «бесконечно коротки».

Да что там Катя с её «бесконечностью»! Больше всего Лиза боялась огорчить самого батюшку, потому что одновременно и любила, и побаивалась его. Побоялась, потому что ей казалось, что батюшка знает про неё абсолютно всё, даже самые сокровенные тайны. Такое чувство было всегда, поэтому у девочки никогда не возникало мысли что-то утаить на исповеди или тем более обмануть отца Александра.

Мама объясняла Лизе, что обманывать нельзя ни при каких обстоятельствах. Но дочка как-то не послушалась и, не сдержавшись, съела все конфеты из вазы, которая стояла на столе. А ведь мама Юля строго-настрого запретила Лизе – у неё же аллергия! Но мало того что съела, – Лиза, испугавшись наказания,

сказала, будто это не она. Изобличить её было проще пареной репы: девочка оставалась дома одна – кроме неё и некому. Досталось же Лизе в тот раз, что называется, на орехи! При этом мама Юля объяснила, что наказала дочку не за конфеты, а, во-первых, за то, что ослушалась, а, во-вторых, за обман. Почувствовать себя преступником, которого застукали на месте преступления, Лизе было очень неприятно. «Бесконечно неприятно», – сказала бы по этому поводу Катя. Лизе тогда казалось, что сгорит со стыда, поэтому она очень хорошо запомнила эту историю с конфетами и никогда больше не обманывала, но кое-что всё-таки от мамы скрывала. Какая же девочка без своих секретов! Но это же от мамы. А от батюшки разве что-нибудь скроешь? Даже и не мечтай!

Пребывая в таких размышлениях, Лиза грустнела всё больше и больше. Кое-какие познания в кулинарии она в свои десять лет всё-таки имела, но только кое-какие. Например, она совершенно точно знала, что для приготовления ухи обязательно нужна рыба.

Вся семья спала, мирно посапывая: мама, папа, братья и сестрёнки. Лиза потихоньку встала и отправилась на кухню. Она не могла дотерпеть до утра. Ей хотелось убедиться, что в доме есть рыба. Без рыбы какая уха? План действий созрел мгновенно: утром Лиза попросит маму научить её варить уху. Мама, конечно, научит, и к приезду отца Александра суп будет готов. Тогда не придётся краснеть и оправдываться. Простота плана так воодушевила Лизу, что она с облегчением вздохнула и даже улыбнулась. «У страха глаза велики, а на самом деле всё решается очень просто», – подумала она.

На кухне Лиза открыла холодильник. Он был наполнен всякой всячиной. И чего там только не было! Всё, что душа пожелает. Кроме, конечно же, рыбы. Лиза обыскала весь холодильник, перекладывая продукты с места на место, не теряя надежды, что где-нибудь в уголке рыба всё-таки найдётся. Но она не находилась. Не было рыбы! От досады Лиза чуть не топнула ножкой. Порой она позволяла себе такую несдержанность, когда не видела мама Юля, но вовремя опомнилась, испугавшись разбудить весь дом. Слезы отчаяния на-

катили и готовы были вот-вот пролиться, но девочка вспомнила, что в квартале от них находится продуктовый магазин, который работает круглые сутки.

Недолго думая Лиза прошла в свою комнату, быстренько оделась, благо было лето, взяла свою копилку в виде фарфорового зайчика и тихонько выскользнула из дома. О том, что ходить одной ночью непозволительно и даже рискованно, Лиза вспомнила, только когда оказалась на улице. Девочке стало не по себе. Фонари, конечно, горели, но пространство между освещёнными участками было мрачно и таило в себе, как ей казалось, самые невероятные опасности. Какие — Лиза не знала. Да и есть ли разница? То, что они существовали, Лиза ощущала каждой клеточкой. Испуганная, она хотела было возвратиться домой, но вспомнила про уху и пошла дальше. Очень важно преодолеть свой страх и сделать первый шаг. Как же без этого? Лиза и не заметила, как у неё невольно потекли слёзы. Она почувствовала их, когда, капая с подбородка, они потекли на платье. Девочка достала из сумочки носовой платок и промокнула им глаза.

Вздрагивая от страха, Лиза шагала по улице. Так никого и не встретив на своём пути, путешественница добралась до магазина — тревоги оказались пустыми. Она воодушевилась и утерла оставшиеся на щеках слёзы совершенно уже мокрым носовым платком. Спрятав его в сумочку, Лиза поставила копилку на тротуарную плитку и взглядом стала искать камень, чтобы разбить её. По-другому достать денежку было невозможно — не было ни крышечки, ни замочка.

Не обнаружив поблизости ничего подходящего, Лиза подняла копилку над головой и с силой бросила её на тротуарную плитку. Фарфоровый зайчик разбился, и монетки со звоном раскатились в разные стороны. Лиза стала поспешно собирать их. «Богатство не так уж и велико, но на рыбу точно хватит», — подумала Лиза. Собрав монеты и бумажные деньги, которых было совсем немного, она вошла в магазин.

Внутри, кроме дремавшей кассирши и сонного охранника, никого не было. Лиза прошла в рыбный отдел. От разнообразия в витрине

разбежались глаза, но, посмотрев на цены, она сообразила, что надо пересчитать деньги — иначе откуда же знать, на что хватит. Пересчитала и... заплакала. И как тут не зареветь, если тех денег с трудом хватило бы только на солёную кильку? Что скажет батюшка, если накормить его ухой из солёной кильки? Да и варят ли из неё уху? Девочка повернулась и пошла прочь, проливая горькие слёзы.

Выйдя из магазина, остановилась. Мало того что не купила рыбы, предстоял ещё путь домой. Лиза видела между фонарями эти зловещие темные участки, на которых, казалось, её поджидают неведомые звери. И пусть они позволили ей дойти до магазина, но теперь-то уж точно с нетерпением поджидают обратно! Обязательно нападут, казалось Лизе. Слёзы было не остановить, страх не унять. Девочка замерла в нерешительности и тут снова услышала за спиной уже знакомую песню из сна: «Моя Лизавета, ты не спишь до рассвета. Ждешь от друга привета. Слёзы горькие льешь...» Только теперь пел другой голос, какой-то старческий и скрипучий. Девочка с удивлением обернулась и увидела очень странную бабушку.

Старушка ростом чуть выше Лизы была одета в ярко-жёлтые лосины, которые обтягивали её тонкие, как спички, ноги, а тело походило на маленький бочонок, поверх которого натянули ядовито-зелёную с блёстками блузку. Лицо покрывало множество морщин, среди которых прятались глубоко посаженные сверкающие глазки. Причёску (такую Лиза с подружками называли «я у мамы дурочка») венчала крупная ярко-красная роза. Из рта торчала дымящаяся папироса.

— Откуда вы знаете эту песню? — прекратив плакать, изумлённо спросила зарёванная Лиза.

— Я всё знаю, — усмехнулась в ответ старушка и выпустила колечко дыма.

— Так не бывает, — с недоверием помотала головой Лиза.

— Бывает, деточка. Всё в этой жизни бывает. Скажи-ка мне лучше, по какому поводу слёзы? — спросила старушка, с интересом глядя на раскрасневшуюся девочку.

— Слёзы? — переспросила Лиза. Она совершенно не собиралась ни с кем беседовать посреди ночи, тем более с этой чудаковатой ста-

рушкой, но отчаяние и страх перед обратной дорогой пересилили — она рассказала свою печальную, как ей казалось, историю.

— И это вся твоя беда? — усмехнулась старушка.

— Да, — утирая вновь побежавшие слёзы, кивнула Лиза.

— Я могу тебе помочь, но у меня есть несколько условий. Если ты их выполнишь, то и я тебе подсоблю, — сказала бабушка, устремив свой взгляд куда-то в тёмное ночное небо.

— Какие? — с надеждой спросила Лиза.

Старуха смерила девочку долгим взглядом.

— Ну, ты должна мне честно ответить на следующие вопросы. Ты крещёная? — спросила та, уперев руки в боки, отчего её выступающий живот выкатился ещё больше.

— Да, конечно, — выпалила Лиза и показала старушке маленький серебряный крестик на шее.

Ответ, казалось, удовлетворил женщину.

— А ты большая грешница? — с подозрением спросила она.

Этот вопрос совершенно смутил Лизу. Она задумалась и через некоторое время произнесла:

— Наверное, да. Но я каждое воскресенье хожу в церковь, исповедаюсь, и мне отпускают грехи.

— А когда ты последний раз была в церкви? — ухватилась новая знакомая за этот ответ.

— Вчера.

— Вчера? — с радостью воскликнула старушка.

— Значит, ты ещё не успела много нагрешить?

— Наверное, нет, — неуверенно пожала плечиками смущённая девочка.

— Прекрасно! — воодушевилась странная бабуля. — Это-то мне и надо! А слёзы у тебя горькие или нет?

— Я не знаю! — растерянно пискнула Лиза.

Пожилая женщина довольно засмеялась, и роза в её волосах задрожала. Смех её был похож на карканье вороны.

— Сейчас проверим. Тебя, кстати говоря, как зовут? — старушка почти вплотную приблизилась к девочке.

— Лиза, — испуганно ответила та, одновременно отодвигаясь от неё.

— Будем знакомы. А меня — Стратосфера Пещеровна. Красивое имя, правда?

— Необычное, — нехотя согласилась девочка, не желая обидеть старшего. — Почему вас так называли родители, Стратосфера Пещеровна?

Бабуля расцвела широкой улыбкой:

— Ну, при чём здесь родители? Совсем не родители. Я сама придумала это имя. Долго выбирала. Очень. Такой, знаешь ли, симбиоз безграничности и тайны. Понимаешь? — она многозначительно подняла бровь.

— Нет, — призналась Лиза. — Что такое сим... сим... — затруднялась Лиза произнести незнакомое слово.

— Не знаешь, что такое симбиоз? — удивилась Стратосфера Пещеровна. — Ты в каком классе учишься?

— Окончила второй.

— Окончила второй класс и не знаешь, что такое симбиоз? — ещё более распалилась старушка. — И тебе не стыдно? Да я — чтоб тебе было известно — вообще никогда не училась. И, несмотря на это, знаю, что такое симбиоз. Знаю, но ничего тебе не скажу, — довольная собой, она поджала губы.

— Почему? — Лиза даже не обиделась.

— Тебе известно, что такое самообразование? — будто экзаменовала её Стратосфера Пещеровна.

— Да, — чистосердечно ответила Лиза. — Самообразование — это когда надо много узнавать самому, кроме того, что тебе задали в школе. Нужно быть любознательной и больше читать книг, а не играть в Интернете.

— В самую точку, — подтвердила старушка, добавив тихонько с сожалением, так, чтобы не услышала Лиза: — Если бы я ещё читать умела.

Но девочка, обладавшая острым и к тому же абсолютным музыкальным слухом, разобрала последние слова и с нескрываемой жалостью спросила у неё:

— Наверное, вы были маленькой так давно, что тогда ещё никто не умел читать, поэтому вы и не научились?

— Вот именно. Тогда не только читать не умели, а такое на свете творилось, что... — осеклась старушка. — Лучше тебе об этом ничего не знать.

— Почему? — Лиза даже расширила глаза.

— Потому что кончается на «у»! — отрезала Стратосфера Пещеровна. — Кто у нас должен

отвечать на вопросы? Ты! Вот и отвечай, — тут старушка озадаченно почесала затылок. — А на чём мы, собственно говоря, остановились?

— На симбиозе, самообразовании и чтении, — подсказала ей Лиза.

— Каком ещё симбиозе? — удивление в голосе новой знакомой было неподдельным.

— Я не знала, что такое симбиоз, а вы отказались мне объяснить значение этого слова, — ещё раз напомнила Лиза и еле слышно добавила: — Сама, наверное, не знает, вот и придумала про самообразование.

— Я?! — возмутилась Стратосфера Пещеровна, которая, несмотря на свои годы, обладала ничуть не худшим слухом, чем сама Лиза. — Это я-то не знаю? — ещё раз воскликнула она и, совсем как девочка в порыве гнева, топнула ножкой. — Да как ты смеешь? Да я тебя... — совсем задохнулась от возмущения пожилая женщина, превратившаяся в одно мгновение в сгорбленную, одетую в какие-то тёмные лохмотья древнюю старуху. Ярость душила её, и она вытянула в сторону Лизы свою маленькую трясущуюся сухую руку, из указательного пальца которой показалась отвратительная гадюка с дымящейся папиросой в пасти. Змея росла до тех пор, пока не очутилась у самого лица девочки.

— Что с вами? — недоумённо спросила Лиза. Она будто не заметила ни гнева старушки, ни гадюки с папиросой. — Отец Александр говорил, что гнев — большой грех, потому что когда человек очень сердится, то перестаёт контролировать себя. Он может сделать много такого, за что ему будет очень стыдно. А ещё отец Александр говорил, что курение вредит здоровью.

Удивительное спокойствие Лизы погасило гнев Стратосферы Пещеровны. Вместе с умиротворением происходили и внешние изменения в облике старушки. Сначала исчезла гадюка, потом лохмотья, и на их месте появилось прежнее жёлто-зелёное одеяние.

— С курением ты, конечно, права. Сколько уж веков хочу бросить, да силы воли не хватает, — согласилась старушка и, выплюнув на тротуар папиросу, собралась было ещё что-то сказать Лизе.

Но та опередила:

— Стратосфера Пещеровна! Вы уж извините меня, пожалуйста, что я делаю вам замечание. Но, во-первых, надо обязательно потушить огонь, потому что может случиться пожар, а во-вторых, нельзя бросать мусор на тротуар. Есть же урны. Мама велит нам не сорить в своём доме.

— Это ещё что за новости? — недовольно фыркнула старушка. — Какие ещё урны для мусора? И где же ты здесь увидела дом?

Лиза покачала головой, совсем как взрослая:

— Мама сказала, что и город, в котором мы живём, и вся страна — это наш общий дом. Если мы заботливые хозяева, то не должны выбрасывать мусор где попало, а следить за чистотой.

— Чья бы корова мычала, а твоя бы молчала, — буркнула старушка, поджав губы. — А за твоей-то спиной что творится? — поддела она.

Лиза обернулась и увидела разбросанные кругом осколки от копилки.

— Ой, какая же я неряха! — заворчала она на себя, бросившись убирать: — Вы совершенно правы, Стратосфера Пещеровна. Мне и отец Александр говорил, что сначала надо вынуть бревно из своего глаза, а только потом будешь знать, как убрать сучок из глаза кого-нибудь другого.

— То-то же! — уже более миролюбиво сказала старушка. — Сначала подотри свои сопли, а потом уж другим указывай, — добавила она и, подошвой затушив на тротуаре дымящуюся папиросу, отнесла её в урну. — Так на чём мы всё-таки остановились? — снова обратилась она к Лизе, которая уже заканчивала собирать осколки.

— На симбиозе, — живо откликнулась Лиза.

— Да что же ты за упрямая девчонка такая? — уже более спокойно, но с недовольством отреагировала старушка.

Подняв крупные осколки от копилки-зайчика, Лиза понесла их к урне.

— Сами говорили о самообразовании, — попутно ответила она. — А ещё мама говорит, что любое дело нужно доводить до конца.

— Мама твоя, конечно, права. Мне вот тоже надо одно дело довести до конца. Ну, да об этом потом. А сейчас, так уж и быть, смотри, — сказала Стратосфера Пещеровна, вытянула вперёд руку, и перед ними появился мерцаю-

щий экран. Совсем как компьютерный. Старушка стала усердно шевелить губами, что-то нашёптывая, и на экране сначала появилось слово «Википедия», а затем — «симбиоз» и его значение.

— Читать-то не разучилась? — ехидно подковырнула она Лизу.

— Нет, — смущённо ответила та, явно поражённая происходящим.

— Тогда читай, — приказала Стратосфера Пещеровна. — Вслух читай, чтобы потом не обвинять меня.

— «Симбиоз, что в переводе с греческого означает «совместная жизнь», это форма взаимоотношений, при которой оба партнёра или только один извлекает пользу из другого», — прочла Лиза и с недоумением спросила: — Стратосфера Пещеровна, а какую же пользу стратосфера извлекает из пещеры?

Вопрос, как, впрочем, и само определение, явно смутили обладательницу диковинного имени. Такого поворота она совершенно не ожидала, но раздумывать над ответом долго не стала:

— Опростоволосилась, недотёпа старая! Это всё Лёшка с Добрыней да Ильюшкой! Они мне насоветовали. А я? Нет чтобы проверить, так на слово поверила. Никому доверять нельзя! — сокрушалась старушка, качая нечёсаной головой с цветком. — Ну да ладно. Наперёд умнее буду.

— А кто такие эти Лёшка да Илюшка, да этот... как его? — озадачилась Лиза.

— Сама скоро увидишь, — отрезала старушка, но потом все же пояснила: — Есть тут такие. Как говорится, три в одном.

— Стратосфера Пещеровна! Они не хотели вас обмануть, — убеждённо сказала Лиза, в её голоске не было и тени сомнения. — Я почти уверена. Они, наверное, просто перепугали симбиоз с синтезом.

Старушка поскребла затылок.

— А это ещё что такое?

— Не знаете? — Лиза без усмешки глядела на новую знакомую.

Стратосфера Пещеровна сначала по привычке вспыхнула, но мигом остыла и призналась:

— А ведь и верно, не знаю. Первый раз такое со мной случается.

— Со всеми бывает, — успокоила девочка. — А синтез — это ... — Лиза хотела объяснить значение этого слова, но остановилась и с озорством посмотрела на Стратосферу Пещеровну.

— Ну, что это? Что это? — с нетерпением воскликнула та.

— Стратосфера Пещеровна! Вы уж, пожалуйста, не обижайтесь на меня, но мама говорила мне, что ответы на возникающие вопросы лучше искать самому. И если сам не сможешь найти ответа, то только тогда нужно спрашивать у того, кто подскажет. Мама говорит, что в таком случае человек учится самостоятельно мыслить и лучше запоминает то, чего он не знал.

— Может, она и права, — не стала спорить старушка, как и в прошлый раз, вытянула руку вперёд и что-то зашептала. В воздухе вновь появился мерцающий экран, «Википедия» и через некоторое время — слово «синтез». — Читай! — приказала.

— «Синтез — это процесс соединения или объединения ранее разрозненных вещей или понятий в целое или набор», — прочитала Лиза. — Ну, что я вам говорила? — с улыбкой обратилась она к старушке. — Они просто перепугали и совсем не хотели вас обманывать.

— Ну ладно, коли так, — повеселев, согласилась старушка. — Я, если признаться, очень на них осерчала. Даже подумывала в отместку отравить. Да разве их отравишь? Не повезло мне, знаешь ли, с друзьями. Ни отравить, ни убить.

Девочка мигом изменилась в лице.

— Ну что вы такое говорите, Стратосфера Пещеровна? Как же можно о таком думать? Это же большой грех! — испуганно и вместе с тем с укоризной сказала она.

— Сама разберусь! — отрезала старушка, скрестив руки на груди. — Без сопливых обойдёмся.

— Стратосфера Пещеровна ... — начала было Лиза, не обратив внимания на резкость и даже грубость, но старушкины глаза стали вдруг увеличиваться в размерах и вылезать из орбит. Сообразив, что наступает очередной приступ гнева, Лиза замолчала и уставилась на неё.

— Всё! — провозгласила Стратосфера Пещеровна, когда немного успокоилась. — Больше

никаких вопросов. Пошли со мной, — приказала она и решительно двинулась в сторону гаражного кооператива, за которым в темноте шумела берёзовая роща.

— Куда мы идём? — спросила взволнованно Лиза. Она еле поспевала за странной бабулей, прижимая к груди свою сумочку, чтобы не потерять.

— Рыбу получить хочешь? — обернувшись, напомнила старушка.

— Ну да, — уже неуверенно кивнула девочка.

— Тогда шагай за мной и поменьше задавай вопросов.

Скоро они оказались около гаражного кооператива. Там было совсем темно, хотя столбы освещения стояли. И тогда из глаз Стратосферы Пещеровны ударили два мощных луча, которые осветили дорогу. Двинулись дальше. Спустя какое-то время тьма вокруг расступилась. Лиза поняла, что свет исходит откуда-то из рощи. Они вышли на большую поляну. То, что увидела Лиза, очень удивило её.

Посреди поляны прямо из земли в небо поднималась лестница. У основания её стоял прекрасный юноша в белом сверкающем одеянии и с копьём в руке — это он излучал свет, освещавший всё вокруг. По лестнице шёл непрерывный поток людей, которые появлялись словно ниоткуда, из воздуха. Они стремились вверх, но одни падали с лестницы прямо на первой ступеньке, другие забирались чуть выше, но тоже падали и исчезали, и только немногие поднимались до самого верха, растворяясь в небесах. Лиза и Стратосфера Пещеровна остановились и с восхищением смотрели на открывшуюся им картину.

— Что это? — спросила изумлённая Лиза.

— А ты не знаешь? — спросила у неё в свою очередь старушка.

— Нет.

— Ай-яй-яй! Крещёная православная девочка и не знает, что это за лестница? — с укором произнесла Стратосфера Пещеровна.

Лиза покраснела от смущения, задумалась, и вдруг лицо её просветлело:

— Я вспомнила! Я вспомнила! — радостно воскликнула она. — Это лестница, которая ведёт в Царство Небесное. А люди, которые падают, это грешники. Те, которые не покаются

в своих грехах или утаили что-то. Мне про неё отец Александр рассказывал, а я, честно говоря, не очень-то верила. Простите меня, грешную, — попросила она прощения, хотя рядом никого, кроме старушки, не было.

Та с удивлением посмотрела на Лизу:

— Ты у кого это прощение просишь?

— У Господа! Господь — он везде! — с уверенностью сказала Лиза. — Если ты искренне каешься и постараешься больше не совершать дурные поступки, то Господь услышит тебя и не будет наказывать. Да и батюшка тоже услышит.

— А он-то как услышит? — усмехнулась Стратосфера Пещеровна. — Мудришь ты что-то, девонька.

— Вовсе и не мудрю, — горячо возразила раскрасневшаяся от волнения Лиза. — Он же в Господе и Господь в нём! То, что знает Господь, будет известно и батюшке.

Старушке этот пыл пришёлся не по нраву:

— Да что ж это за девочка такая? Я ей — слово, а она мне — два. Тебя кто учил со старшими спорить?

— Простите, Стратосфера Пещеровна. Я больше не буду, — понутив голову, сказала Лиза.

— То-то. Ты знаешь, зачем я тебя привела сюда?

— Нет, — смиренно шепнула девочка.

— Так вот слушай. И не перебивай, пока я не закончу. Потом будешь задавать свои вопросы. Договорились? — Лиза кивнула, и старушка начала свой рассказ: — Я уже не одно столетие пытаюсь подняться по этой лестнице, но каждый раз падаю с первой ступеньки. Пускальзуюсь и падаю. Сколько раз так случилось — сбилась со счёта. И Ангел Господень, который охраняет вход, видя мои попытки, начинал плакать, но ничего не говорил мне. Чего я только ни делала, чтобы подняться по лестнице! Я превращалась в маленькую девочку, в красавицу, в мальчика, в юношу, пыталась спрятаться в толпе, когда было много людей! И падала, а остальные шли дальше. Большинство из них, пусть невысоко, но поднимались, а я даже на первую ступеньку ступить не могла. И вот однажды Ангел Господень сжался надо мной и произнёс: «Не мучайся зря.

Ничего у тебя не получится. Чтобы подняться по этой лестнице, надо каждую ступеньку омыть горькими слезами покаяния или добрыми делами. Только тогда ты сможешь подняться в Царство Небесное», — и снова заплакал. Ты случайно не знаешь, почему? — бабуля испытующе поглядела на Лизу, будто не сомневалась, что та знает ответ.

— Ему вас жалко, — предположила зачарованная рассказом девочка.

— Меня? — вспыхнула гневом старушка. — Это ему меня жалко? Да что ж ты такое выдумываешь? — и вдруг, задумавшись, тихо добавила: — Сколько живу, никогда и никто ни разу не пожалел меня, а тут на тебе. Прямо чудеса в решете, — она произнесла это смущённо, и две непрошенные слезинки появились в уголках её глаз.

Лиза с удивлением заметила, что слёзы, бегущие по щекам старушки, оставляют за собой светлые дорожки: лицо её словно стало чище. Девочка не знала, что это были первые слёзы Стратосферы Пещеровны за всю её многовековую жизнь. Лиза достала до сих пор мокрый платок и смахнула те слезинки. Старушка с признательностью смотрела на Лизу, а она и подумать не могла, что Стратосфера Пещеровна впервые испытала чувство благодарности. Между тем, будто опомнившись, она вырвала вдруг из рук девочки носовой платок. Подбежав с ним к лестнице, опустила на колени и стала усиленно протирать первую ступеньку. Затем поднялась с колен, оглянулась на Лизу и, глубоко вздохнув, поставила ногу на ступеньку. Подошва не скользила. Выждав несколько мгновений, Стратосфера Пещеровна решила и, поставив на ступеньку вторую ногу, замерла. Она повернула к Лизе своё светящееся счастьем лицо, как бы приглашая её порадоваться вместе с ней. Девочка, словно заразившись восторгом старушки, засмеялась и захопала в ладоши. Стратосфера Пещеровна решила сделать следующий шаг, но, поскользнувшись, вскинула ноги кверху и грохнулась на спину. Лиза бросилась к старушке на помощь — та лежала не двигаясь и с удивлением смотрела куда-то вверх. Лиза проследила за взглядом Стратосферы Пещеровны и

поняла: она смотрит на плачущего белого стражника.

— Сейчас-то что не так? — обратилась расстроенная старушка к Ангелу.

— Господа обмануть решила? — сурово вопрошал он. — Не твои это слёзы, и нет в них покаяния. Решила за чужой счёт в Рай попасть? Невозможно это! Своими добрыми делами надо зарабатывать прощение грехов. Эх... — горестно вздохнул Ангел и снова заплакал.

— Что же мне теперь делать? — растерянно спросила до сих пор лежащая на земле Стратосфера Пещеровна.

— Прежде всего встать, — взяла инициативу в свои руки Лиза. — Встать и ни в коем случае не унывать! Уныние — большой грех. Когда человек унывает, то становится очень слабым и ничего хорошего не может сделать. Поднимайтесь, Стратосфера Пещеровна, — девочка протянула старушке руку. — А теперь постарайтесь вспомнить, есть ли среди ваших знакомых тот, кто очень нуждается в помощи, — сказала Лиза, которая решила во что бы то ни стало спасти новую знакомую.

— Конечно, есть, — без раздумий ответила старушка, стряхивая сор с жёлтых лосин и ядовито-зелёной кофточки. — Все нуждаются, кто остался. Но кто же в этом признается? Гордые все. Неприступные. Слушать ничего не хотят. Умники, тоже мне. Возьми, к примеру, Кошечка Бессмертного. Тоже ничего слышать не хотел. На молодых его потянуло. Сколько раз ему говорила: «Василиса Прекрасная ни за какие деньги за тебя замуж не выйдет», а он: «Осыплю её золотом и драгоценностями, никуда не денется, согласится». Ну и что? Согласилась? Как бы не так. А с Иваном-Царевичем помнишь что вышло? Да я!.. Да то!.. Да сё!.. Да я этого Ивашку в порошок сотру. Ну и что? Стёр? И где теперь этот «стиратель»? Не то что порошка, духу от него не осталось. Да что это я тебе рассказываю? — спохватилась Стратосфера Пещеровна. — Ты, наверное, и сама не хуже меня знаешь.

— Мама когда-то в детстве рассказывала, но я, честно говоря, немного забыла, — созналась Лиза.

— В детстве? — иронично ослабилась Стратосфера Пещеровна. — А сейчас ты, значит, в

старости? Как такое забыть можно? События, можно сказать, мирового масштаба, а она забыла. Ну посмотри ты на нынешнюю молодёжь! — развозмущалась бабуля.

Лиза даже и не пыталась оправдаться. Она стояла, понунив голову, и исподлобья смотрела на старушку. Гнев Стратосферы Пещеровны продолжался недолго. Она быстро успокоилась и, подойдя к Лизе, приказала:

— Ну, рассказывай! Что я должна сделать, чтобы попасть в Царство Небесное?

— Всё очень просто, — пожала плечами Лиза. — Надо, во-первых, покаяться в совершённых грехах, во-вторых, больше не грешить, а в-третьих, делать как можно больше хороших дел. Вы меня понимаете?

— Не очень, — призналась старушка. — Что такое «покаяться»?

— Покаяться? — Лиза даже переспросила от удивления. — Ну, покаяться — значит, рассказать без утайки все свои дурные поступки на исповеди священнику.

— А где же я тебе священника найду? — резонно спросила старушка.

— Действительно, — растерялась девочка и, немного подумав, радостно предложила Стратосфере Пещеровне: — А вы мне расскажите. Отец Александр говорил: если вдруг ты понял, что совершил дурной поступок, а рядом нет священника, которому можно исповедаться, то надо рассказать об этом товарищу. Главное, чтобы человек понял, что сделал дурное дело, сожалел об этом и постарался больше так не поступать.

— Исключено, — отмахнулась старушка.

— Это почему же? — смотрела на неё Лиза, хлопая длинными ресницами.

— Да если я начну тебе рассказывать всё плохое, что совершила за свою жизнь, то это займёт много времени. Ты, Лизавета, станешь такой же старой, как и я, — усмехнулась Стратосфера Пещеровна, как будто даже довольная таким сравнением.

— Вы так много нагрешили? — с удивлением и сожалением произнесла Лиза.

Стратосфера Пещеровна виновато опустила глаза долу. Некоторое время она делала вид, будто разглядывает свои худые ноги в лосинах, но наконец ответила:

— Я только и делала, что пакостила. Всю свою жизнь. А я даже и сама не знаю, как долго живу. Ты представляешь, сколько надо будет времени, чтобы обо всём рассказать? Так что в Царство Небесное мне не попасть, — сокрушённо вздохнула старушка, понунив голову.

Девочка изо всех сил пыталась её приободрить, она подошла к ней поближе и попыталась участливо заглянуть в глаза:

— Ну как же не попасть? Ну что вы такое говорите? Вы ведь совершенно забыли о добрых и бескорыстных делах.

Старушка на секунду задумалась, и вдруг радость мелькнула на её лице.

— А ведь верно! — согласилась она. — Только ты мне сначала объясни, что означает делать добрые дела.

— Мама говорит, — начала Лиза, — что добрые дела — это когда ты помогаешь кому-то, может, даже и незнакомому человеку, и ничего не требуешь взамен. А если ты вздумаешь что-то от него требовать, то это значит, что дела твои на самом деле добрыми не были.

Старушка озадачилась:

— Как это?

— Ну, когда, допустим, совершил для кого-то добро, а он ничего не сделал в ответ и даже не поблагодарил. Если ты обижаешься на него, то совершённое — уже не доброе дело, а корыстное. И хвастаться этим, напоминать ему о том, что ты для него сделал, тоже нельзя, — Лиза никак не могла объяснить суть, но наконец нашла нужные слова: — Вот! Если ты сделал доброе дело, то надо просто вычеркнуть это из памяти.

— Да как же так? Чтобы я да за просто так кому-то что-то сделала? — возмутилась старушка. — Издеваешься, что ли? — она недобро зыркнула на девочку.

— Но иначе никак нельзя попасть в Небесное Царство, — бесстрашно урезонила её Лиза.

Бабуля опустила взгляд, шевеля губами, наконец вздохнула поглубже и проговорила:

— Вот же задача. Ну да ладно. Была не была. Давай попробуем. Кому надо помочь, я знаю. А как это сделать, нет. Может, ты мне поможешь и мы вместе сделаем доброе дело? Договорились?

— Конечно. Я с удовольствием вам помогу, —

мигом отозвалась девочка. — Вы только скажите, что надо делать.

Стратосфера Пещеровна снова опустила взгляд, она в нерешительности ковыряла носком землю.

— А я и сама не знаю, что надо делать. Но прежде всего надо добраться до места. Если пешком, то не один год...

— Как же мы тогда доберёмся? — совсем растерялась Лиза.

Старушка подняла глаза и торжествующе улыбнулась, будто нашла ответ:

— А мы тоже не лыком шиты, — гордо воскликнула она. — И у нас, знаешь ли, тоже прогресс. — Произнеся эти слова, достала из рукава что-то отдалённо напоминающее смартфон и, вытянув вперёд руку, прокричала: — Гараж? — ответом ей было молчание, которое, впрочем, совсем не смутило старушку, и она повторила свой вопрос: — Гараж? — не дождавшись отклика, словно рисуясь перед Лизой, важно приказала: — Кордебалет к подъезду, пожалуйста.

Не успела она закончить фразу, как со всех сторон с неба на мётлах стали спускаться ведьмы. Самые разные: фантастически страшные и вполне приятные собой. Как только они приземлились, вокруг раздалась какофония звуков, и ведьмы пустились в пляс, будто слышали в этом какую-то мелодию. Теперь удивлению не только Лизы, но и самой Стратосферы Пещеровны не было конца.

— Да что же это такое! Сдурели, что ли, совсем? — в сердцах воскликнула старушка, непонятно к кому обращаясь. — Я у вас что просила, а?

— Что просила, то и получила! — выкрикнул некто с явной издёвкой в голосе.

— Смеёшься? Надо мной? Опять в тартарары захотел? — возмущённо прогремела старушка невидимому собеседнику.

— Стратосфера Пещеровна, — робко прошептала Лиза, потянув старушку за рукав зелёной блузы. — Простите, пожалуйста, но вы ведь гараж вызывали... А в гараже могут быть только машины, правильно?

— Ну, конечно, — негромко ответила та.

— А при чём же здесь тогда кордебалет? — растерянно продолжала Лиза.

— Как это при чём? — повысила голос Стратосфера Пещеровна. — Я на нём теперь путешествую. Мы тоже, знаешь ли, от прогресса не отстаём.

В глазах Лизы застыло сомнение, наконец она сказала:

— Я не знаю точно, что такое кордебалет, но, мне кажется, это что-то связанное с танцами...

— С какими ещё танцами? — гаркнула старушка, сердито глядя на непрекращающуюся пляску ведьм.

— А давайте проверим, — предложила Лиза.

Вместо ответа Стратосфера Пещеровна вытянула руку вперёд. На мерцающем экране появилось слово «кордебалет».

— «Кордебалет — это артисты балета, исполняющие массовые танцевальные номера», — прочитала Лиза и невольно улыбнулась. Она окончательно поняла, что заявления Стратосферы Пещеровны о том, что она всё знает, были, мягко говоря, небольшим преувеличением, однако этим открытием делиться не стала.

Было видно, что такое развитие событий никак не устраивало Стратосферу Пещеровну, и, чтобы разрядить возникшую неловкую паузу, она что есть мочи закричала на танцующих ведьм:

— Прекратить! Устроили здесь! Где остальные? Особое приглашение надо?

Ведьмы остановились и спустились на землю.

— Кто гадает, кто лечит-калечит, кто экстрасенсом, кто на радио, кто на телевидении работает... — ответила та, что оказалась впереди других. — Дел ведь тьма!

Старушка деловито упёрла руки в боки, выкатив зелёный животик наружу, и командовала:

— А вы чего бездельничаете? А ну марш работать!

Ведьмы с нескрываемым облегчением начали разлетаться в разные стороны. Как только последняя из них скрылась в тёмном небе, Стратосфера Пещеровна, наблюдавшая за выполнением своего распоряжения, повернулась к Лизе и горделиво сказала:

— Наши времена пришли, Лизавета, наши! Вот раньше, например, как только кого поймут — тут же на костёр, не то что сейчас.

— А что сейчас? — не поняла Лиза.

— А сейчас свобода, девонька, наступила.

Сейчас, как говорится, что хочу — то и ворочу. Наши теперь в почёте. Особенно у начальства. А за ними и народ потянулся. Раньше, если что не так, к кому обращались? Правильно, к священнику. А сейчас? Сейчас к гадалке, к экстрасенсу, к ведьме.

Лиза даже побледнела от таких слов.

— А почему, Стратосфера Пещеровна?

— Да просто всё, Лизавета. Сколько тысяч лет убеждали людей, что счастье в деньгах, и наконец-то убедили. Не всех, конечно, но большинство. У людей теперь вместо Бога — деньги, вместо добра — деньги, вместо любви — деньги. Всё — деньги. «Сам» знал, что делает. Деньги, они страшней чумы. Заболели люди и лечиться к тому же не хотят. Всё по его расчётам получилось.

— А кто это такой «сам»? — Лиза с подозрением уставилась на новую знакомую.

— Лучше тебе, девонька, пока этого не знать! — вместо ответа бросила старушка и подняла взгляд на тёмное небо, где скрылись ведьмы.

Лиза подошла поближе, встала на цыпочки и заглянула в её глаза:

— А почему?

— Целее будешь, — нехотя сказала Стратосфера Пещеровна и тут же одёрнула любопытную девочку: — Ну да хватит болтать! Эдак мы с тобой ни одного доброго дела не сделаем. Давай-ка лучше помоги мне вспомнить, как называется та штука из гаража, на которой мы передвигаться будем.

— Кабриолет, наверное, — подсказала Лиза.

— Ну, конечно же, кабриолет. И как я только могла забыть? А ты откуда знаешь?

— Ну, что вы! Я совсем ничего не знаю, — замялась девочка. — А кабриолет есть у нашего соседа дяди Саши. Я только поэтому о нём знаю. Это когда верх автомобиля летом открывается, чтобы внутри не было жарко.

— В самую точку, — подтвердила старушка и громко приказала: — Кабриолет к подъезду! Да пошевеливайтесь там!

Через мгновение прямо перед ними появился роскошный красный роллс-ройс с открытым верхом. Лиза восхищённо ахнула, чем изрядно польстила старушке.

— Это раньше я в ступе да на метле летала, а

сейчас — вот, наградили за достигнутые в работе результаты. Красивый, правда?

— Очень, — согласилась Лиза. — А вы водить умеете?

— Я всё умею, — важно ответила старушка и многозначительно улыбнулась.

Лиза сразу же поняла, что та опять хвастается. Она с подозрением и страхом посмотрела на неё.

— Да ты не сомневайся, — попыталась её успокоить Стратосфера Пещеровна. — Я на самом деле и не управляю машиной в привычном смысле этого слова. Просто приказываю, и машина выполняет мои желания.

— А метла для чего?

— Метла? Где метла? — спохватилась старушка и завертела головой по сторонам.

— А вон, на заднем сиденье, — как ни в чём не бывало пояснила Лиза.

— А! Метла? Не доверяю я этим новинкам. На метле хоть и не очень удобно летать, но она меня никогда не подводила. Да и привыкла я к ней. Понимаешь?

— Понимаю, — кивнула Лиза, хотя совершенно ничего не понимала. — А вы, Стратосфера Пещеровна, простите за любопытство, кто?

— А ты до сих пор не догадалась? — сверкнула зубом старушка, довольно ослабившись.

— Нет, — растерянно обронила Лиза, распахнув наивные глаза.

— Баба Яга, — призналась та и смущённо добавила так ласково, как умела: — Но добрая. Я изменилась и хочу исправиться.

Как только она назвала своё настоящее имя, будто пелена спала с глаз Лизы и она увидела перед собой сгорбленную, одетую в лохмотья старуху, от которой шёл ужасно неприятный запах гниения. Глаза её смотрели злобно и угрожающе. Но так продолжалось совсем недолго. Через мгновение перед Лизой опять предстала всё та же Стратосфера Пещеровна с красной розой в волосах. Всё это произошло настолько быстро, что Лиза не успела даже по-настоящему испугаться. Девочке показалось, что всё это ей привиделось, но чувство страха всё же поселилось в ней. Лиза вспомнила наставление мамы: если кажется, что с тобой может произойти что-то нехорошее или даже уже произошло, то надо

перекреститься и помолиться, то есть попросить помощи у Ангела-хранителя, и он обязательно поможет. Девочка так и сделала — чувство страха исчезло. Она почувствовала, что Ангел-хранитель рядом и теперь не оставит её в беде. Правда, Лиза забыла, что надо не только себя перекрестить, но и наложить крест на то, что вызывает чувство опасности. Ей даже и в голову не могло прийти, что эта милая старушка может её обманывать и на самом деле хочет попасть в Царство Небесное не потому, что раскаивается в плохих поступках, а для того, чтобы сделать что-то нехорошее. Диверсант, короче говоря.

Лиза помотала головой из стороны в сторону, отгоняя наваждение, и с укором обратилась к старушке:

— Стратосфера Пещеровна! Мы будем помогать кому-нибудь или продолжим любоваться вашей машиной?

— Конечно, будем. Обязательно будем. Садись! — сказала старушка и заняла место водителя.

Лиза не заставила себя уговаривать и устроилась на пассажирском сиденье.

— Стратосфера Пещеровна! — испуганно спросила она у старушки. — А где же руль? Как мы сможем двигаться без руля? Мы же разобьёмся.

— Не переживай! — успокоила её Баба Яга. — Я же говорила тебе, что это необычная машина. Она сама сделает всё, что я ей прикажу, и ей не нужен руль. Понятно?

— Понятно, — ответила немного осмелевшая Лиза и призналась: — Я никогда не видела таких машин.

— Какие твои годы! — усмехнулась старушка. — Ну что, вперёд?

Лиза согласно кивнула, а водитель, засунув два пальца в рот, пронзительно засвистела. Машина дёрнулась, как живое существо, и задрожала всем корпусом. Передняя часть её стала подниматься вверх, кабриолет резко взмыл в небо. Если бы не какая-то неведомая сила, удерживающая Лизу в кресле, то она, без всякого сомнения, сразу вывалилась бы наружу и разбилась. Но эта сила крепко прижимала Лизу к сиденью, и она скоро успокоилась. Что находилось внизу, Лиза не разгляде-

ла, так как была ночь. Она видела лишь звёздное небо и огромную луну, до которой, казалось, рукой подать. Это прекрасное зрелище настолько поразило Лизу, что она совершенно забыла о своих страхах. Девочка чувствовала, что они двигаются очень быстро, но ни свиста ветра, ни какого-либо шума не было. Ей чудилось, что она попала в фантастический фильм и, поражённая красотой, не замечала времени. Очнулась, когда впереди на горизонте начал светлеть небесный край. Свет приближался и ширился, понемногу заполняя всё небо. Через какое-то время появилось солнце, сияние которого было настолько ослепительным, что Лиза невольно зажмурила глаза и прикрыла их ладонкой. Посмотрела вниз и увидела проплывающую под ними землю. Деревца, стадо крошечных коров, которое паслось на маленьком лугу, едва различимый пастух и миниатюрные домики настолько восхитили девочку, что она всплеснула руками, но тут машина начала снижаться. Это произошло настолько стремительно, что Лиза не успела даже испугаться. Они мягко опустились на небольшую полянку.

— Вылезай! — скомандовала Стратосфера Пещеровна. — Приехали!

— А где мы? — озиралась по сторонам Лиза.

— Много будешь знать — скоро состаришься! — отрезала старушка.

Стратосфера Пещеровна часто грубила девочке, но та не решалась сделать замечание. Она помнила, чему учила мама: делать замечания старшим и поучать их так же нехорошо, как и самой совершать нехорошие поступки. Нужно просто помолиться за них и попросить какого-нибудь Святого или Матерь Божью, чтобы помогли им исправиться. Лиза беззвучно помолилась, а затем подняла голову и огляделась вокруг. Стена густого леса окружала маленькую полянку. Увидеть что-либо за первым рядом деревьев было совершенно невозможно. Темнота, проступающая из глубины леса, нагоняла страху. Поймав испуганный Лизин взгляд, старушка усмехнулась и приободрила:

— Не бойсь, трусиха! Не так страшен чёрт, как его малюют! — воскликнула она, но, сообразив, что сказала лишнего, упала на колени и

стала что-то бормотать, завывая и ударяя при этом головой о землю. Затем поднялась с колен и испытующе посмотрела на Лизу: — Так ты согласна помочь мне совершить доброе дело? Не передумала?

— Да нет же! — без тени сомнения подтвердила та.

— Ну что ж, тогда пошли.

Стратосфера Пещеровна двинулась в чашу, Лиза — за ней. Как только они вошли, стемнело, будто мгновенно наступили сумерки. Смолкли шелест листьев и шум ветра, которые были слышны на поляне, наступила гнетущая тишина.

Идти вперёд становилось всё труднее и труднее. Поначалу трава, покрывавшая землю между деревьями, понемногу пружинила, но со временем ноги всё глубже проваливались. Лизе привычно было бродить по лесу — с родителями, братьями и сёстрами она ходила за грибами и ягодами. Знала, что почва так проседает, если где-то поблизости есть болото, но всё-таки следовала за уверенно шедшей вперёд старушкой. Вдруг девочка уловила протяжный стон, донёсшийся откуда-то издалека. От неожиданности она остановилась, струсив, и попыталась спрятаться в ельнике. Стратосфера Пещеровна, не обращая внимания на спутницу, продолжила путь. Лиза прижалась всем телом к стволу старой ели. Наконец старушка почувствовала, что Лиза отстала. Стратосфера Пещеровна отыскала её взглядом, потом вернулась за ней.

— Ну, чего замерла? Испугалась, что ли? — усмехнулась она.

— Да, — призналась Лиза, не в силах скрыть страх.

— Не бойся. Мы как раз и идём помогать тому, кто стонет. Сама скоро увидишь, — Стратосфера Пещеровна многозначительно улыбнулась. — Пошли. Нечего тут без толку стоять.

Пересилив себя, Лиза двинулась за старушкой. По мере приближения запах гниения усиливался, превращаясь в настоящее зловоние. Девочка устала, и её тошнило, но она упорно шла вперёд, понимая, что кому-то нужна её помощь. Деревья поредели, стали проступать очертания необычной горы. Казалось, она дышит, так как один её склон, покрытый чем-то,

похожим на кору старого дерева, равномерно вздымался и опускался.

Подойдя ближе, старушка сунула пальцы в рот и пронзительно свистнула. Гора вздрогнула, и от неё отделилась какая-то часть, в которой Лиза угадала огромную длинную шею, заканчивающуюся драконьей головой. Голова поднялась высоко над деревьями и стала принахиваться. Затем, будто опомнившись, она открыла огромную пасть, полную острейших зубов, и прокричала так громко, что всё вокруг вздрогнуло:

— Трево-ога! Русским духом пахнет!

Тут же не пойми откуда вынырнули ещё две головы, одна из которых стала озираться по сторонам, потом заорала что есть мочи:

— Станичники! Браты! Миру — мир! — прокричав заплетающимся языком известные с давних времён лозунги, голова мгновенно спряталась под огромным крылом.

Всё происходящее настолько ошарашило Лизу, что она не знала, как на это реагировать, и только молча следила за происходящим. Голова, обратившаяся к каким-то станичникам, даже развеселила её, но она не решилась рассмеяться. Зато хохотала старушка, красный цветок в её волосах то и дело подрагивал. Заливалась она настолько громко, что две драконьи головы вопросительно уставились на неё. Их внимание нисколько не удивило Стратосферу Пещеровну. Отсмеявшись, она повернулась к Лизе:

— Вот это и есть тот, кому нужна помощь. Ну, чего молчишь? Не узнала, что ли?

— Нет, — пожалала плечами Лиза.

— Да что ж это за поколение такое? — распалилась старушка. — Змея Горыныча не знают! Вы чем там вообще занимаетесь?

— Живём, — тихонько ответила Лиза.

— В Интернете, что ли? — попыталась подковырнуть Стратосфера Пещеровна.

— Не только, — терпеливо объясняла Лиза. — Мама Юлия не разрешает долго сидеть за компьютером. Она говорит, что жить надо настоящей жизнью, а не виртуальной.

Старушка недоверчиво покачала головой:

— Тогда почему же ты не знаешь, кто такой Змей Горыныч?

— Я просто забыла, — чистосердечно призналась Лиза.

Стратосфера Пещеровна, казалось, занервничала:

– Почему?

– Потому что никто не верит, что он на самом деле существует, – ровно произнесла девочка и спросила: – А зачем знать о том, чего нет на самом деле?

– И в меня не верили? – глаза старушки гневно сверкнули.

– И в вас тоже, – шепнула Лиза.

– А сейчас?

– Что сейчас?

– Сейчас тоже не веришь?

– Сейчас верю, – созналась Лиза.

– То-то же, – довольная собой, старушка ощерилась в улыбке.

– Стратосфера Пещеровна, а зачем Змей Горыныч звал каких-то станичников? – приглушенно спросила Лиза так, чтобы головы не слышали.

– Вот в этом-то и заключается проблема, – посетовала старушка, разведя узловатыми руками. – Когда-то давно, когда люди ещё знали о том, что мы существуем, Горыныч решил пообедать и выбрал упитанного быка, – доверительно продолжала она. – И всё бы хорошо, да бык был из стада, принадлежавшего казакам. Оно паслось совсем рядом со станицей. Горыныча, конечно, заметили. Ты, Лизавета, сама посуди, как такого не заметить!.. Сбежались казаки и так навалили Змею Горынычу, что он до сих пор от страха трясётся. А той голове, которая кричала «Миру – мир!», досталось больше всего. Она теперь, даже если забудется и проглотит пролетающего мимо комарика, так сразу прячет голову под крыло. Бойтся, что ей и за это достанется. Только мухоморами теперь и питается. Они и имена себе придумали как у трёх богатырей, что на известной картине. Требуют, чтобы их только так и величали. Думают, что если все будут их так называть, то Змей Горыныч перестанет быть Змеем Горынычем. Видать, все мозги им казаки отшибли. Сколько он ещё на мухоморах протянет? Обессилел ведь совсем, – старушка жалостливо покачала головой. – Вот и надо ему как-то помочь. А как – я не знаю.

– Надо подумать, – сочувственно отозвалась Лиза.

– Да чего я только не выдумывала! Всё бесполезно! А главная-то причина в том, что они заболели демократией. Есть такая заразная болезнь. Может, слышала? А про плюрализм мнений?

– Ну да, у нас же демократия. И про плюрализм слышала. Нас часто на уроках заставляют выдумывать какие-то другие точки зрения, хотя правду все и так знают, – припомнила Лиза.

– Ох, какие молодцы ваши учителя, – восхищение в голосе старушки было неподдельным. – Но что проходит у вас, совершенно не годится для нас.

– Почему? – даже растерялась Лиза.

– А что же здесь может быть хорошего? – воскликнула старушка и присела на ствол поваленного дерева. – Одно тело и три головы. И у каждой головы своё мнение абсолютно по всем вопросам. Ты представляешь? Головы Горыныча так долго ругались, пытаюсь хоть о чём-то договориться, что он совсем разучился летать. Ну, может, и не разучился, но не летает очень давно. И как их отучить от этого плюрализма мнений, я не знаю.

– А зачем ему летать, Стратосфера Пещеровна? – Лиза уюстилась рядышком со старушкой.

– Как зачем? Птицы ведь летают, и ты не спрашиваешь, зачем они это делают. Вот и он должен летать, а не прятаться здесь и причитать.

– Вы меня не поняли, Стратосфера Пещеровна, – девочка покачала головой. – Я хотела спросить о другом. Он будет снова летать и на кого-то нападать?

– Ну что ты, Лизонька? Ты разве не видишь, что он раскаялся и кушает только травку? – поспешила успокоить её Стратосфера Пещеровна и злорадно улыбнулась. Лиза совершенно не обратила внимания на недобрый оскал, так как погрузилась в мысли о том, каким образом можно помочь Змею Горынычу. Думала она очень недолго:

– Стратосфера Пещеровна! Стратосфера Пещеровна! – она даже потрясла старушку за рукав зелёной блузы. – Я знаю, как можно помочь Змею Горынычу!

– Да что ты говоришь? Не обманываешь? – спросила обрадованная старушка.

– Ну что вы! Я никогда не обманываю. Об-

манывать — грех. Батюшка Александр говорил мне: тот, кто обманывает, становится рабом дьявола, потому что отец лжи — сатана.

— Какая ты умница! — похвалила её старушка. — Ну, рассказывай, что ты там придумала.

— Надо провести выборы и... — с энтузиазмом начала Лиза.

— Какие ещё выборы? — перебила старушка.

— Надо выбрать кого-то одного, чтобы он на какое-то время был главным и все остальные ему подчинялись.

— А как же они будут выбирать, если каждый сам за себя? — недоумённо спросила Стратосфера Пещеровна, но тут же счастливая улыбка озарила её лицо. — Я придумала! Я всё придумала!.. Мы с тобой тоже проголосуем.

— Мы? — удивилась теперь Лиза. — Но мы же с вами не имеем к этому никакого отношения. Головы должны голосовать сами.

— Ну как ты не понимаешь? — Стратосфера Пещеровна даже воздела руки к небу. — Если они будут голосовать сами, то так и будут спорить до конца света и ничего не решат. Они ведь ничего о выборах не знают. Мы скажем им, что в выборах должны принимать участие все присутствующие. И если мы проголосуем за того, кто нам нужен, то спасём Змея Горыныча.

Лиза задумалась и несколько мгновений соображала.

— Но это ведь неправда, — сказала наконец. — Они должны голосовать сами.

— Конечно, неправда, — старушка даже вскочила от волнения. — Но как иначе мы сможем его спасти? Ты что-нибудь слышала о лжи во спасение?

— Нет, — растерялась девочка.

— Ложь во спасение — это когда ты совсем чуть-чуть скажешь неправду, чтобы спасти кого-то, — назидательно растолковывала старушка.

— Я об этом никогда не слышала, — задумчиво сказала Лиза. — Я знаю, что лгать — грех, но если это надо для спасения кого-то, то я готова согрешить, — теперь уже решительно заявила она.

— Вот и правильно! — обрадовалась старушка и, вскочив, даже стала приплясывать на месте. — Вот и молодец! — похвалила она Лизу и, по-

вернувшись к «горе», зычным голосом закричала: — Горыныч! Горыныч! Хватит бока пролёживать! Пора за дело приниматься!

— Что за дело? — разом спросили удивлённые головы, высунувшиеся из-под крыла.

— Выборы будем проводить! — провозгласила Стратосфера Пещеровна.

Стратосфера Пещеровна объяснила как смогла, что такое выборы и зачем они нужны. А на все возражения о том, что, дескать, в выборах должны принимать участие только те, кого это касается, она ответила: таковы правила, не они их придумали и не им и менять. Возразить Горынычу было нечего.

Стратосфера Пещеровна предложила головам выдвинуть кандидатуры, кто будет первой избранной главой Змея Горыныча. Каждая, понятное дело, выдвинула себя. Начали голосовать, и в результате, естественно, каждая голова и проголосовала за себя. Горыныч, воодушевлённый поначалу перспективой разрешения этой, казалось, безвыходной ситуации, приуныл. Но тут вмешалась Стратосфера Пещеровна и заявила, что победу на выборах одержала средняя голова, за которую будто бы проголосовали они с Лизой. Девочка пыталась сказать, что она никому своего голоса не отдавала, но ей не дали слова — дескать, по регламенту не положено. После недолгого препирательства все головы согласились с результатами — единство было достигнуто. Замшелое и вросшее в землю тело Змея Горыныча со скрипом и треском стало отрываться от опутавших его корней. Зрелище это было настолько поразительное, что Лиза застыла, наблюдая за происходящим. Таких огромных существ, как Змей Горыныч, Лиза видела только в фантастических фильмах. Она и не представляла себе, что какой-то из этих монстров может на самом деле существовать.

Но это было не всё дивное, что происходило совсем рядом с Лизой. Внимание девочки привлекла красная роза в волосах старушки. Она стала прямо на глазах превращаться в мерзкую пасть змеи, а волосы — в маленьких извивающихся змей. Ядовито-зелёная блузка старушки темнела, блёстки лопались, превращая одежду в лохмотья. Вместо лосин на ней оказалась грязная юбка. Лиза замерла от

испуга. Только сейчас она увидела Бабу Ягу такой, какой она была на самом деле, — коварной и страшной. Её вид по-настоящему испугал девочку.

— Вот и всё, что мне от тебя надо было, дрянная девчонка! — со злорадством прокричала Баба Яга и что есть силы дунула в сторону Лизы.

Поднявшийся вихрь подхватил её и понёс. Он крутил девочку, беспомощную, и переворачивал, как осенний лист. Лиза уже совершенно отчаялась, но вдруг вспомнила о своём Ангеле-хранителе и взмолилась о помощи.

И вот ветер начал стихать, а Лиза грохнулась на землю — от удара у неё потемнело в глазах. Поднялась, охая и преодолевая боль. Её удивлению не было конца, когда она обнаружила, что оказалась вновь рядом с той самой лестницей, по которой так хотела подняться Баба Яга. Увидев стоящего рядом с лестницей Ангела, Лиза бросилась к нему и закричала:

— Святой Ангел! Берегись! Баба Яга обманула меня, и я помогла ей и Змею Горынычу. Они замышляют что-то ужасное!

Ангел склонил голову и светло улыбнулся.

— Не печалься, Лиза. Они хотят, чтобы лестница в Небесное Царство вела не вверх, а вниз, к дьяволу. И мечтают об этом давно, но нет силы, которая может победить Бога, — сказал он.

Только договорил, как вдали раздались раскаты грома, и Лиза увидела на горизонте летящего к ним Змея Горыныча, на котором восседала Баба Яга. Из пастей всех трёх голов вырывалось пламя, шесть глаз горели ярко-красным зловещим огнём. Вслед за ними, заполонив всё небо, неслись по воздуху ведьмы, бесы и множество другой нечисти. Вся армада нечистой силы стремительно приближалась. Лиза стала уже различать вопли и визги, которые они издавали.

Когда они оказались совсем рядом, Ангел Господень расправил крылья и взмыл в небеса. Очертив перед собой круг копьём, он стал дожидаться их приближения. Один против всех. То, что происходило дальше, совершенно заморозило Лизу, наблюдавшую за происходящим в небе. Эта армада натолкнулась вдруг на какую-то невидимую стену. Нечисть всё подлетала и подлетала, давая друг друга и пытаясь прорваться сквозь неё, но

ничего не получалось. И только когда навалился всем огромным телом Змей Горыныч, стена как будто чуть поддалась. И тогда Ангел Господень поднял сверкающее копьё и с силой метнул во врага. Удар был подобен грому. Горыныч вздрогнул и, застыв на мгновение, стал падать.

Лизин страх отступил, Змей был повержен. От радости она стала кричать «Ура!», подпрыгивать и хлопать в ладоши. Но вдруг поняла, что Горыныч вместе с Бабой Ягой опускаются на неё. Лиза попыталась убежать, но не могла сдвинуться с места. Ужас охватил её, и она закричала. Кричала до тех пор, пока не поняла, что её кто-то сильно трясёт.

Лиза открыла глаза и увидела перед собой маму, которая испуганно смотрела на неё. Немного опомнившись, девочка поняла, что находится дома в своей кровати. На лбу её выступила испарина, глаза были полны страха и слёз.

— Лиза! Тебе приснилось что-то страшное? — спрашивала её мама. — Да проснись же ты наконец!

Сообразив, что ей ничего не угрожает, Лиза дала волю слезам. Вволю поплавав на маминой груди, спросила:

— Мамуля! Когда к нам приедет отец Александр?

— Обещал к обеду.

— Мамуля! — взмолилась Лиза. — Можно я тебе всё потом расскажу, когда поговорю с батюшкой?

— Хорошо, — согласилась мама Юля и, видя, что дочь успокоилась, хотела уйти.

Но Лиза остановила её:

— Мама! Я обещала научиться варить уху и угостить батюшку, когда он приедет к нам в гости. Но совершенно забыла об этом! Батюшка обязательно вспомнит и будет сильно огорчён, если я не сдержу своего слова. Ты сможешь мне?

— Ну, конечно, — улыбнулась мама. — Только в таком случае нам надо поторапливаться. Давай-ка вставай, умывайся и прочитай утреннее правило, а после завтрака мы будем готовить уху.

— А рыба у нас есть?

— Как же без рыбы? Батюшка ведь мяса не

ест, рыбу я купила ещё вчера, — сказала мама Юля и вышла из комнаты.

Ответ мамы обрадовал совершенно успокоившуюся Лизу. Она откинула одеяло и хотела, как обычно, соскочить с кровати, но резкая боль в боку остановила. Лиза подняла ночную рубашку и обнаружила на боку большой синяк. В голове девочки всё перепуталось. Лиза не могла понять, откуда он появился, если всё, что с ней произошло, было только сном, но раздумывать долго не стала — встала и сделала всё, о чём говорила ей мама.

После завтрака они приготовили замечательную уху и стали дожидаться отца Александра. Он приехал, как и обещал, к обеду. Трапеза прошла шумно и весело. За столом делились новостями, не забывая нахваливать вкусный суп. Лиза скромно сидела рядом с батюшкой и делала вид, что эти похвалы не имеют к ней никакого отношения, но было видно, что ей очень приятно.

Закончив обед, все поднялись и, поблагодарив Бога, стали выходить из-за стола. Лиза совершенно не обиделась, что батюшка не похвалил лично её. В Церкви ведь не хвалят за хорошо сделанное дело, потому что все и так должны на совесть исполнять порученное им. А человек от похвалы может возгордиться. Что может быть хуже и опасней, чем гордыня?

Лиза, довольная тем, что всё так хорошо разрешилось, попросила батюшку поговорить с ним наедине. Они удалились в детскую, и там девочка рассказала обо всём, что с ней произошло. Отец Александр внимательно выслушал рассказ Лизы и после некоторого раздумья сказал:

— Это предупреждение тебе, Лиза. Взрослея, ты начинаешь думать, что сама всё знаешь и умеешь. На самом деле в жизни тебе ещё не раз встретится такое, что внешне кажется добром, а в итоге приводит к плачевным результатам. Тебе ещё многому предстоит научиться. И, чтобы делать меньше ошибок, в первую очередь надо слушаться родителей, потому что у них большой жизненный опыт и они уберегут тебя от таких оплошностей. Помни, что Господь сказал: «Почитай отца твоего и мать твою, чтобы хорошо тебе было и чтобы ты долго прожил на земле!» Ты меня поняла, Лиза? — спросил он, глаза его светились любовью и участием.

— Да! — улыбнувшись, ответила Лиза и обняла батюшку.

□

Сергей Марксович БИЧУЦКИЙ

родился в 1951 году в г. Славута (УССР).

Окончил Киргизский госуниверситет, факультет иностранных языков по специальности «Французский язык».

С 1983 года живет в Карелии.

Несколько лет провёл послушником в Кемском мужском монастыре, затем трудился в храме великомученика Пантелеимона в Петрозаводске.

Пишет прозу, стихи, публицистику, занимается переводами.

Совместно с П.К. Доброцветовым подготовил первый перевод книги известного французского богослова Ж.-К. Ларше «Бог не хочет страдания людей» (издательство «Паломник», 2014).

В журнале «Север» публикуется впервые.

